Легенда о драконьей невесте

18+

София Хартманн

София Хартманн

Легенда о драконьей невесте

«Автор»
2026

Хартманн С.

Легенда о драконьей невесте / С. Хартманн — «Автор», 2026

Каково это — сжечь заживо того, кто дал тебе жизнь?Калиса, дочь Правителя Северных земель, знает, что её ждёт: брак по расчёту и роль декорации при дворе. Её единственная отдушина — резьба по дереву, в которой рождаются жуткие и прекрасные драконы, в существование которых уже давно никто не верит.Невинная прогулка на ярмарку оборачивается кошмаром. Гадалка зачитывает страшное пророчество: «Ты убьешь того, кто дал тебе жизнь», а вскоре Калиса и правда начинает замечать всполохи страшной силы. Когда доверие к близким оборачивается ловушкой, Калиса в порыве ярости обращается в дракона — и пламя поглащает ее жизнь дотла.Теперь Калиса — изгой, за которым охотятся все: брат, лучший друг, вся страна. Чтобы выжить, ей предстоит принять своё ужасающее наследие и научиться управлять огнём, что течет у неё в крови. Пока её королевство стоит на грани войны, она должна сделать выбор: навсегда остаться монстром или стать той, кто возродит его из пепла.

© Хартманн С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 6 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

София Хартманн
Легенда о драконьей невесте

Легенда о драконьей невесте

Говорят, что в стародавние времена, когда землю раздирали Костяные Войны, последняя из драконьих королев полюбила смертного. Не вождя солнца ясного, а Правителя севера сурового, чей народ погибал от меча и голода.

Чтобы спасти его и людей, она совершила немыслимое: отдала ему свое сердце — огненную плоть — и растопила вечную жизнь в его смертной крови. Она сожгла вражеское войско дотла, но обрекла свой род на вечную связь с родом человеческим.

С тех пор в крови Правителя, а затем и в крови его потомков, просыпается древний зов. Рождаются Драконьи Невесты — женщины, чьи тела холодны, как лед горных вершин, а в жилах струится живой огонь. В тишине они могут принести дому процветание и мудрость чудищ древних, но в час скорби или ярости пламя пробуждается, опаляя все вокруг.

Проклятие ли это или благословение — не знает никто. Известно лишь одно: сила эта требует жертвы. И самая чудовищная тайна гласит, что первым пламенем, которое должна обуздать Невеста, часто становится пламя, обращенное против собственного рода.

Глава 1

Калиса

В их роду издревле ходили легенды о драконах — огромных жутких существах, которых уже давным-давно не существовало. Но Хограссы передавали эти воспоминания из поколения в поколение: сначала через рассказы, из-за которых современные легенды сильно отличались от первоначальных вариантов; позже, с появлением книг, их записывали и хранили в специальных библиотеках. Самый старый документ находился в Центральной библиотеке под строжайшей охраной.

Калиса видела его лишь раз и, конечно, не читала. Да и не осталось тех, кто мог бы его прочесть. Зато в последние двести лет появлялось все больше вариантов той легенды, хотя Калисе казалось, что ни одна из них не передает истинного смысла.

Каждый ребенок почти с рождения знал все эти легенды, а Калиса, как дочь Правителя, тем более была обязана в любой час Солнца или Луны наизусть пересказать каждую.

Потому у нее не было шанса не взрастить в себе любовь к жутким драконьим сказаниям, которую многие не понимали. Среди сверстников юная наследница была серым камнем в груде самоцветов, никто не хотел водиться с той, что ярмарочным гуляниям предпочитала мастерить новую деревянную фигурку.

— Ты уже не ребенок, min kernel*, — говорил Правитель, качая головой, когда Калиса приносила ему очередное чудовище. — Бери пример с брата. Совсем скоро ты станешь его советницей, тогда уж не до игрушек будет.

Но глядя в светло-голубые глаза дочери, как ледники в ясные дни, он не мог долго сердиться. Сжатые в тонкую линию губы растягивались в легкой улыбке, которую Правитель прятал в густой черной с проседью бороде. Слишком он любил свою дочурку. Да и игрушки у девушки получались невероятные — жуткие, но статные чудовища с разноцветной чешуей и огромными крыльями словно оживали.

Калиса и сама понимала, что в свои двадцать должна быть более серьезной, и честно старалась уделять занятиям с наставниками больше времени, но иногда все-таки сбегала в укромный уголок в глубине домашней библиотеки.

— Какие же вы жуткие, — тихо произнесла Калиса, разглядывая полку с фигурками. — Неужели в действительности существовали такие страшные зверюги?

Вопрос утонул в тишине старинных книг. О тайном месте Калисы знал лишь один человек — и тот сейчас был далеко от Зарова, столицы их Северных земель, так что потревожить ее никто не мог.

Принцесса — о, как Правителю не нравилось это слово! И оттого Калисе хотелось его использовать постоянно — придвинулась к полке, рассматривая каждую деталь деревянных фигурок. Пальцы помнили, как сложно было удержать кусок дерева Арлы** под рубанком, а глаза горели, стоило подумать о часах, проведенных за раскрашиванием самых мелких деталей.

И все же Калиса не могла поверить, что такие существа действительно когда-то ходили по земле, сжигали деревни и крушили замки. Пусть она знала и любила легенды своего народа, но верить в них наотрез отказывалась.

— Min unge***, ваши отец и брат ожидают в Зале Советов, — раздался в тишине громкий голос Матушки Жорлы, что заменила Калисе настоящую мать.

Девушка вздрогнула и поспешила выбежать в общий зал, не забыв нажать на потайную кнопку за торшером, закрывая свой тайник.

— Да-да, я бегу! — отозвалась Калиса торопливо и едва не налетела на няню. Та смерила ее недовольным взглядом теплых золотистых глаз, оглядывая с ног до головы.

— Min unge, ну на кого вы похожи? — Женщина покачала головой и стала быстро очищать платье юной наследницы от пыли и кошачьих волос.

— Ну хватит, Матушка, ты же знаешь, как меня раздражает хогрaсский! — выдохнула Калиса недовольно, делая шаг назад.

— Это язык наших предков, min unge! — возмутилась Жорла, не спеша отступать. Она шагнула вслед за принцессой и сделала еще несколько взмахов руками, чтобы убрать остатки грязи, но Калиса отстранилась, не позволив ей продолжить.

— Я знаю. — Калиса сделала еще шаг назад и уперлась спиной в торшер. — Да хватит уже меня отряхивать!

Девушка всплеснула руками и вдруг оступилась, заваливаясь назад. Раздался шипящий звук, и Калиса увидела, как рот Матушки Жорлы округляется, а глаза расширяются. Холодный страх окатил принцессу с ног до головы. Она обернулась и увидела то, чего так боялась — потайная дверь отъехала в сторону, открывая взору няни мастерскую, что Калиса долгие годы тщательно скрывала.

— Не говори никому! — вспыхнула принцесса, не дав женщине разразиться тирадами. — Пожалуйста, Матушка!

Жорла тяжело вздохнула, и на мгновение в ее глазах мелькнула не тревога, а что-то похожее на понимание. Наконец, она сделала шаг назад, разворачиваясь. Будто давая беззвучное обещание не выдавать секрет воспитанницы. Калиса облегченно выдохнула, щелкнула кнопкой и поспешила догнать няню.

Та обернулась на выходе из библиотеки.

— Но позже мы с тобой об этом еще поговорим, — пригрозила она, и на лице ее отразилось молчаливое осуждение.

Калиса быстро кивнула, силясь скрыть улыбку.

В Зале Советов гулял северный ветер — здесь никогда не закрывали окна, чтобы Правителей и советников не разморило от тепла родового замка. Какие могут быть суровые и справедливые решения, когда голова тонет в уюте и сонном удовольствии?

Солнце еще низко висело над домами, и заспанные советники медленно тянулись из всех уголков замка в Зал Советов.

Правитель, строгий Аксал Хограсс, уже восседал на своем привычном месте — во главе длинного овального стола, простиравшегося от дальней стены почти до входа в зал. Рядом с ним, по правую руку, стоял его сын — Рюнал, будущий Правитель Северных земель.

Когда двери зала распахнулись и в них южным вихрем влетела Калиса, оба мужчины подняли брови, недовольно глядя на нее. Она же поспешила сделать традиционный жест «сложенное крыло» — быстро подняла правую руку, согнутую в локте, и приложила ладонь к левому плечу. Краем глаза заметила, как отец кивнул, и быстрым шагом подошла к нему с левой стороны, занимая свое место.

— Ну что ж, теперь мы готовы начать, — произнес Аксал, сделав акцент на слове «теперь», и голос его, пронесясь по залу, вылетел северным ветром в морозный день. Калиса поежилась: традиционное платье с приоткрытыми плечами не согревало почти ничего, разве что ноги, потому что было длиной до пяток. Она часто задавалась вопросом, почему традиции предписывают носить такие тонкие и открытые наряды, если в их землях почти всегда холодно? Матушка отвечала, что все в их народе с горячей кровью, а значит, морозов не боятся.

Калиса вдруг огляделась и удивленно спросила:

— Папа, а как же мы начнем без Совета?

Правитель нахмурился и серьезно посмотрел на дочь. Под его взглядом она, и без того ставшая маленькой и хрупкой от холода, даже съежилась.

— Калиса, min kernel, как ты должна ко мне обращаться на официальных встречах? — каждое слово, казалось, впечатывалось в ее тело, несмотря на спокойный тон и теплое обращение.

— Min heresk****, папа... — пробормотала Калиса, опустив взгляд.

— Верно. Ты прекрасно знаешь все обращения. Тогда почему я слышу другое?

В голосе отца проскользнули нотки разочарования, и Калиса почувствовала жар, пробирающийся от сердца к щекам.

— Но, папа, это же...

— Нет, Калиса, это официальная встреча! — припечатал Правитель, чуть повысив голос.

Калиса вздрогнула и подняла глаза на брата — тот даже не смотрел в их сторону. Он вообще будто находился не здесь, а где-то в царстве ветров. Рюнал в последнее время был словно тень, и его привычная молчаливая улыбка скрывала какую-то невысказанную боль.

Больше она не проронила ни слова, даже когда в зал начали входить мужчины в богато украшенных одеяниях. Только когда пришла пора ей сказать свое слово в ответ на предложение Рюнала, Калиса выдавила:

— Я согласна с вами, min hojtstand*****.

Хотя почти всю его речь она пропустила мимо ушей. Девушка искоса глянула на Аксала и, получив одобрительный кивок, опустила голову, снова погружаясь в свои мысли.

Каждая встреча Совета для нее длилась вечность. Советники со всех городов предлагали идеи по разным вопросам — ее же задача заключалась лишь в том, чтобы вовремя согласиться с братом. Пару раз она пыталась предложить что-то свое, внимательно слушая каждого, но ни разу ее предложения не рассматривались всерьез, а отец после этого одаривал ее тем самым взглядом, который подразумевал «Подумай еще, min kernel». Теперь же Калиса даже не пыталась. Она думала о своем и терпела жуткий холод, согреваясь мыслями о том, что скоро вернется в свою мастерскую и сможет заняться, наконец, тем, что действительно для нее важно.

Когда зал опустел и холод начал кусать за кожу сильнее, Калиса выплыла из фантазий и двинулась к выходу. И вдруг вспомнила самое важное, что все время забывала или боялась сказать отцу. Щеки загорелись вместе с искрой где-то внутри, сердце застучало в ритме ритуальных барабанов. Девушка сорвалась с места и окликнула Правителя уже в коридоре.

— Папа! То есть... — осеклась тут же, поправилась: — Min heresk, уделите мне долю, пожалуйста.

Мужчина остановился, его широкие, как каменная гора, плечи, медленно двинулись. Серые глаза взглянули на нее с усталостью.

— Что угодно, min kernel? Только быстро, прошу тебя.

Объяснять свою спешку он, как всегда, не стал. Калиса и так знала: наверняка он торопится на очередной совет, прошение, просмотр или службу. Что угодно, лишь бы не видеться с детьми. Впрочем, с Рюналом он встречался гораздо чаще, и сердце Калисы кольнула неприятная ревность.

Она помотала головой, прогоняя лишние чувства. Стоило сосредоточиться на главном.

— Папа, я хотела попросить... — начала Калиса, не замечая, что снова перешла на неофициальное обращение. Пожар внутри затухал, и нужно было срочно поймать хоть одну искру, чтобы не упустить возможность. Калиса зажмурилась и выпалила на одном дыхании: — Пожалуйста, можно я схожу на ярмарку?

И задержала дыхание, боясь спугнуть трепещущую перед носом надежду.

— Нет.

От холода в голосе отца спину покрыли тонкие иголки мурашек.

Калиса распахнула глаза, в которых уже начали собираться слезы, и хотела было снова заговорить, но Правитель ее опередил:

— Ты знаешь, что это небезопасно. — Тон его немного смягчился, он смотрел на дочь сверху вниз, но не с властью, а с сочувствием и болью. — Min kernel, я не хочу потерять тебя так же...

Голос его надломился, как корка льда в Пору Летящих. Он не договорил, но Калиса и так все поняла. Смиренно опустив голову, она кивнула, быстро «сложила крыло» и убежала.

Лишь в мастерской юная наследница смогла дать волю чувствам. Она упала в кресло, обняла колени, насколько позволяло платье, и разрыдалась. Плечи ее затряслись, по телу пошла дрожь.

— Ну почему?! — закричала она обессиленно. Глаза жгло от соли, но слезы не прекращали литься.

— Льдинка, ты чего? — вдруг раздался тихий голос, и Калиса даже не сразу расслышала его. А когда подняла голову, не веря своим ушам, лицо ее тут же озарилось.

Высокий стройный юноша стоял перед ней в теплом кафтане и меховых ботинках. В глазах его плескался мед, а губы растянулись в радостной улыбке, обнажая белоснежные зубы.

Калиса округлила глаза, открыла рот и закрыла его, осознание пришло лишь спустя несколько секунд.

— Форред! — взвизгнула Калиса и тут же вскочила, кидаясь обнимать лучшего друга. — Ты же должен был приехать только через несколько дней!

Юноша усмехнулся, обхватывая девушку за талию и осторожно прижимая к себе. Он надеялся на такой эффект, но видеть его вживую было куда приятнее.

— Освободился раньше, — ответил Форред, отпустив Калису и оглядев ее с ног до головы. — А что это у тебя за слезы, а? Кто мою льдинку обидел?

Калиса закатила глаза, скрестив руки на груди. Даже говорить было не нужно — Форред и так знал каждую трещинку принцессы, каждое переживание. За столько лет дружбы они оба выучили друг друга от створки до створки, примерно так же, как от двери до двери Калиса знала родовой замок.

— Отец опять запретил тебе идти на ярмарку? — уточнил Форред, хотя и так знал ответ. Калиса разочарованно вздохнула и, кивнув, села обратно в кресло.

Друг опустился перед ней на корточки, обхватывая земерзшие ладони.

— Льдинка, — позвал он, заглядывая в голубые глаза, — это для тебя же. Знаешь ведь, что там опасно. Сейчас в народе очень неспокойно.

Калиса замотала головой. Брови ее сдвинулись к переносице, от чего на лбу пролегли неглубокие морщинки. Почти такие же, как те трещинки, что сейчас темнели на ее сердце.

— Я понимаю! — выдохнула девушка, перебирая пальцы Форреда. — Но ведь вам можно ездить куда-то. Тебе, Рюналу, даже отцу! А я будто пленница какая-то.

Форред вздохнул. Ему было хорошо известно, как Аксал относится к безопасности дочери, и все же хотелось помочь подруге, которая стала ему как сестра.

— Слушай, — чуть приблизившись, прошептал Форред и кинул взгляд через плечо — не подслушивает ли кто? — Я могу помочь тебе, льдинка. Если без ярмарки ты совсем-совсем не сможешь.

Калиса подняла голову и быстро закивала, с полной надежды улыбкой глядя на друга.

— Но будет три важных условия, — продолжил юноша, глядя прямо в глаза принцессе, — слушаешь?

— Да, — дрожащим от предвкушения голосом прошептала Калиса, сжав пальцы Форреда до побеления. Он поморщился, но руки убирать не стал.

— Первое: я иду с тобой.

Кивок.

— Второе: ты слушаешь меня беспрекословно и не спрашиваешь ни о чем.

Еще один.

— И третье, самое главное: мы не отходим от главной площади и возвращаемся до заката.

— Хорошо-хорошо! — уже не в силах сдерживаться, горячо зашептала Калиса.

Форред улыбнулся, радуясь вместе с ней, и встал, аккуратно вытягивая пальцы из крепкой, совсем не девичьей хватки.

— Тогда встречаемся у твоих покоев через десять минут. Оденься потеплее, если встретишь кого, скажи, что идешь со мной прокатиться на радюрах******.

Форред ушел, а Калиса еще пару минут ходила кругами по комнате со счастливой улыбкой. Ей хотелось визжать от радости, но она держалась и только трясла руками, чувствуя, как по телу словно разбегаются фейерверки.

Примечания:

В романе используется авторский язык (хограсский), созданный на основе датского. Все новые слова здесь и далее будут помечаться *, как и некоторые слова, важные для понимания мироустройства.

*min kernel — ласковое обращение к детям, дословно: «моя драгоценность».

**дерево Арлы — дерево вроде дуба, очень крепкое и плотное, растет в северной местности. Из него делают мебель, игрушки и т.д.

***min unge — «моя юная госпожа», если дословно, обращение к младшему наследнику, в данном случае к младшей дочери Правителя, но вообще это универсальное обращение.

****min heresk — «мой правитель», если дословно, обращение к Правителю земель.

*****min hojstand — «мой высокопоставленный», если дословно. Обращение к наследнику действующего Правителя. Наследником считается старший ребенок.

******радюр — животное, внешне похожее на оленя, единственное отличие — у него шесть ног вместо четырех, и оно может прыгать на двадцать метров вверх.

Глава 2

Калиса

В назначенное время Калиса вышла из покоев, облачившись в теплую меховую куртку, плотные брюки и кожаные сапоги до середины икры. Обычно такую одежду она использовала для прогулок по лесу на территории замка и катания на радюрах, так что никто не должен был ничего заподозрить.

Форред подошел спустя несколько мгновений. В руках у него была дорожная сума, из которой он тут же достал черную вязаную повязку для лица.

— Надень, — кинул юноша, и Калиса, помня об уговоре не перечить, тут же натянула ее на лицо, закрывая рот и нос. Теперь ее могли узнать разве что по глазам, но народ никогда не видел принцессу настолько близко.

Они спокойно прошли по длинным коридорам, вымощенным камнем, до самых дубовых дверей, и, сказав страже о цели своего ухода, вышли в морозное подворье замка. Со всех сторон его обступали высокие стены, изъеденные инеем — кажется, они стояли здесь с начала времен.

— И как мы выберемся, минуя стражу на воротах? — спросила Калиса тихо, то и дело оборачиваясь на проходящих мимо слуг, стражей и советников. Ей казалось, что их с Форредом вот-вот раскроют, и оттого внутри все сжималось.

— Нужно знать места, — загадочно ответил Форред, улыбнувшись. Он повел Калису не к главным воротам, а в сторону леса, и она уже сомневалась, действительно ли они идут на ярмарку.

Но возле задних ворот Форред неожиданно повернул направо, туда, где деревья смыкались плотными рядами, и Калиса едва не упустила его из виду. Пришлось ускориться и пробираться через колючие ветки, чтобы догнать прыткого друга.

У дальней стены нашлась ветхая деревянная дверь, втиснутая прямо в каменный забор. Казалось, что ее просто нарисовали на нем, чтобы обмануть заблудших путников, но Форред

поднырнул под раскинувшуюся мохниту* и вытянул длинную грязную веревку, на конце которой болтался маленький ключик. Этим ключиком он открыл ветхую дверь. Та со скрипом, очень медленно поддалась и открыла взору Калисы заснеженную дорожку, уходящую вправо мимо забора.

— Ничего себе! Откуда ты о ней знаешь? — восхитилась Калиса, когда они вместе вышли из сада и Форред закрыл дверь, спрятав ключ под такой же мохнитой с другой стороны.

— Когда я был младше, мы часто слонялись по саду с детьми слуг. Они и рассказали, — пожал плечами юноша, и Калиса рассмеялась. Страх быть раскрытой еще не ушел до конца, но все-таки разжал тиски и позволил немного расслабиться.

Путь до центральной площади занял около получаса. Солнце опустилось чуть ниже, и теперь за спинами Калисы и Форреда виднелись блеклые тени. Они прошли через арку, густо украшенную цветами и яркими лентами, на площадь. Она была окружена низкими домиками, сложенными из серых и белых каменных глыб, с острыми скатными крышами из дранки. Некоторые были еще темными, свежими; на некоторых дерево Арлы, из которого и делали дранку, уже посветлело до серебристо-серого под тусклым светом Солнца. Крыши сливались с низкими свинцовыми тучами, едва пропускающими лучи настырного светила.

Калиса возбужденно оглядывалась и восхищалась постройками, ведь она видела их всего раз в жизни и так давно, что уже не помнила картины. Глаза ее сияли, сердце выстукивало Северный марш, а шаг был пружинистым и порывистым.

— Льдинка, тебе нужно поумерить пыл, — предупредил Форред тихо, склонившись к Калисе поближе и глядя ей в глаза. — Ты должна сойти за обычную горожанку, а они часто бывают на ярмарках.

— Поняла, — кивнула принцесса, чуть успокоившись. Но чувства так и рвались из груди, и она снова запрыгала на месте. — Сейчас-сейчас! Дай мне хоть немножко порадоваться!

Вдоволь насмотревшись и поймав несколько удивленных взглядов прохожих, Калиса глубоко вдохнула и постаралась взять себя в руки. Форред был прав: чтобы не попасться, нужно вести себя, как все, а не как принцесса-дикарка, которая ярмарок в жизни не видела.

Вместе с другом она попробовала лепешки с восхитительным тянущимся кислым сыром, снежки из творога и картофеля, которые запекали прямо в золе, и традиционный драконий чай — обжигающий напиток с терпким, немного кисловатым привкусом. Его делали из мятных ягод исбарьны** и листьев ильдфара*** (в народе его кликали огнецвет). После вместе с горожанами они лепили чудищ, играли в «снежные прятки» на специальной площадке с высокими щитами и импровизированными укрытиями. Затем катались на диковинных, привезенных с Юга, каруселях — круглых платформах с яркими фигурами разных животных, крутящихся вокруг своей оси.

Калиса смеялась, пытаясь отдышаться после развлечений. У нее кружилась голова, и перед глазами все вертелось вправо-влево, будто она все еще сидела на смешном радюре ярко-алого цвета и истошно визжала от восторга, цепляясь за его рога окоченевшими пальцами.

— Понравилось? — чуть сбившимся, хрипловатым голосом спросил Форред, наблюдая за подругой. По его лицу было видно, что ярмарка — точно не самое любимое его развлечение, но ради Калисы он старался улыбаться и хоть немного наслаждаться.

— Конечно! — выдохнула та, не отрывая бегающего туда-сюда взгляда от площади. Принцессе хотелось попробовать все и сразу, но время стремительно уходило — Луна уже подкрадывалась с востока.

— У нас осталось немного времени, — Форред сверился с крохотными часами, достав их из кармана куртки, — куда хочешь сходить? Все посетить мы не успеем, выбери что-то одно.

Калиса закусила губу, жадно оглядываясь вокруг. Решение давалось тяжело, но, в конце концов, девушка указала пальцем на невысокий темно-синий шатер, расшитый сотнями светил и миллионами бусин.

Форред кивнул и направился туда вместе с Калисой. У входа его попросили остаться снаружи, объяснив это тем, что предсказания любят уединение, и дальше девушка пошла уже одна. Что-то колыхнулось внутри, похожее на страх, но Калиса постаралась не обращать на это внимания. Она шла к низкому столику, за которым прямо на полу расположилась пожилая седая женщина с ясными зелеными глазами. В волосах ее, почти серых, еще блестели редкие черные пряди. На плечах лежала шаль, а тело пряталось в складках широкого темно-синего, в цвет шатру, платья из плотной ткани.

— Садись, дитя, — она обратилась к Калисе скрипучим голосом, и принцесса, завороженная тембром, уселась на подушку перед низким столом. — Что бы ты хотела узнать?

— Я... — произнесла Калиса и запнулась, удивленно глядя на гадалку. В голову не приходило ни одного важного вопроса. Казалось, ее судьба и так предрешена, никаких загадок не осталось. Она станет советницей брата, выйдет замуж за одного из Советников или послов, а может, даже за Правителя других земель, и обязательно родит несколько детей. Этого требовал от нее титул наследницы Правителя, хоть и второстепенной.

Калиса с детства знала, каким будет ее будущее, но верить не хотелось. Стоять, словно украшение, на Советах? Стать разменной монетой в политических переговорах? Ужасно. Не такой судьбы она желала. Но все решили за нее.

Спросить гадалку о будущем? Но зачем, если Калиса и так знает ответ? Тогда, может, спросить о будущем муже? Глупости. Ей этого знать не хотелось так же сильно, как быть дочерью Правителя.

— Не спрашивай, — вдруг прошипела старуха, наклоняясь к ней через стол. Ее яркие зеленые глаза будто пытались залезть в самую душу. — Спроси лучше, какого это: сжечь дотла того, кто дал тебе жизнь.

Калиса выдохнула, поперхнулась и больше не смогла вдохнуть. Весь мир вдруг сузился до маленькой точки — изумрудов-глаз гадалки. Они смотрели, будто завораживая, а изо рта ее лились страшные слова.

— Я чувствую... — произнесла женщина и бесцеремонно схватила принцессу за предплечье. — Я чувствую пепел на твоих руках. Пепел твоего отца. Он еще не остыл. Он кричит. Ты сожжешь его. Собственным пламенем.

«Бред! Сумасшествие!» — вопило что-то внутри Калисы. Она попыталась вырвать руку, но старуха держала крепко, впиваясь длинными ногтями в нежную кожу.

— Замолчи! — собственный голос напугал Калису — таким яростным и жестким он был. — Как смеешь ты говорить такое?! Ты чертова сумасшедшая старуха!

Калиса наконец вырвала руку и вскочила, но старуха не стала ее останавливать, как и отводить взгляд — изумруды словно насмехались над ней. Принцесса не помнила, как оказалась у выхода, откидывая плотную ткань шатра. Последнее, что она увидела, — спокойное, почти скорбное лицо ведьмы и ее безжалостные глаза.

— Убегай, дитя, — прошелестел голос гадалки так громко, словно над ухом. — Но от себя ты не сможешь убежать.

Калиса вылетела из шатра, как из огня, и налетела на Форреда. Тот удивленно поднялся с деревянного ящика и уточнил:

— Все хорошо? — Он взял ее за плечи, но она дернулась. — Льдинка, да ты вся дрожишь!

Калиса закивала и, натянув капюшон посильнее, взмолилась:

— Пойдем обратно в замок! Пожалуйста, Форред.

Желание обойти все на ярмарке вдруг сменилось отчаянной нуждой попасть в свою комнату и укрыться пуховым одеялом, чтобы забыть эту встречу. Калиса не рассказала о произошедшем Форреду, она вообще всю дорогу до замка молчала. Они едва успели вернуться до заката, и дверь в ее покои хлопнула в ту же секунду, когда во всем замке разнесся тонкий звон, возвещающий о начале сумерек. В это время традиционно начинали ужин, а потому Калисе

пришлось очень быстро переодеться и спуститься в столовую, чтобы снова не нарваться на осуждение отца и брата.

А в голове все еще звучали слова гадалки.

«Ты сожжешь его. Собственным пламенем».

Примечания:

*мохнита — вьющийся кустарник с длинными ветвями, как у ивы, которые покрыты мягкими иголками, устойчивыми к холодам

**исбарьна — низкий стелющийся кустарник. Плодоносит прозрачными, хрустящими ягодами, которые на вкус как ментол и мята. Служат природным антисептиком и освежают дыхание. Ягода выдерживает любые морозы и становится только вкуснее.

***ильдфар (огнецвет) — небольшой алый цветок, который теплится в темноте, как тлеющий уголек. Растет возле геотермальных источников. Символизирует скрытую угрозу и надежду. Его экстракт в больших дозах — яд, в малых — мощный стимулятор. Его листья используют в кулинарии, они имеют яркий кисловатый вкус и пряный аромат.

Глава 3

Калиса

Следующие несколько дней Калиса провела словно в бреду. Все кружилось, плыло, и наследница едва успевала замечать, как прошел очередной Совет и наступило время занятия с наставником. Слова отца, брата, наставников тонули в круговороте мыслей и заглушались одним лишь голосом, который звучал в ее голове так же ясно, как и в том шатре. Она слышала гадалку словно наяву. Просыпаясь в холодном поту, она мерзла даже под теплым одеялом и не могла сосредоточиться, от чего делала глупые ошибки на уроках.

— Min unge, вам нужно быть внимательнее, — сетовал господин Вараск, когда Калиса в очередной раз неверно ответила на его вопрос. — Даю вам последнюю попытку. В каком году Зарак Хограсс пришел к власти?

Калиса закусила губу и сжала кулаки под столом, стараясь сосредоточиться и хотя бы на пару минут отвлечься от навязчивых мыслей.

— В.. тысяча семьсот тридцать третьем?.. — произнесла принцесса скорее вопросительно, чем утвердительно.

Мужчина покачал светлой головой, брови его свелись к переносице. В детстве Калиса часто хихикала, не сумев сдержаться, потому что они напоминали ей двух толстых гусениц, но сейчас было не до смеха.

— Вы промахнулись на две сотни лет! Просто ужасно. Боюсь, я вынужден сообщить *вашему* отцу о *ваших* «успехах».

Он развернулся и пошел к выходу, махнув серой полупрозрачной мантией, больше похожей на дымку. Господин Вараск любил изящные наряды, и, конечно, все они были тонкими, словно кружево, от чего даже его светлые волосы на груди отчетливо виднелись. Калиса всегда старалась отвести взгляд куда угодно, лишь бы не глядеть на наставника.

К удручающим, тревожным мыслям о пророчестве прибавилась горечь неудач, о которых теперь будет известно и Правителю. А впереди ждал еще один урок, и он наверняка пройдет так же унизительно. Но прежде Калиса решила зайти в мастерскую — оставалось еще минут сорок на отдых. Там ее ждала недоделанная фигурка серебристого дракона.

«Может, хоть так смогу отвлечься», — мысленно вздохнула Калиса и, потирая озябшие плечи, быстрым шагом направилась в любимое место в замке.

Вырезанная из дерева фигурка стояла на месте — на высоком прямоугольном столике, посреди разбросанных инструментов, обрезков, стружки, красок и кисточек. Калиса ласково обхватила ее пальцами и поднесла ближе к лицу. Серебристая чешуя, которую еще предстояло

докрасить в некоторых местах, блестела в свете яркой настольной лампы и отбрасывала блики, словно россыпь звезд, на стены.

И эта россыпь напоминала Калисе о шатре гадалки. Она сжала фигурку в руке, и острые когти дракона впились в ладонь, но девушка не замечала ничего, снова погружаясь в тревожные мысли.

«Я чувствую пепел на твоих руках. Пепел твоего отца»

Она даже подумать о таком боялась. Но может... может, гадалка говорила иносказательно? Может, она имела в виду нечто другое?

Тут же вспомнились другие слова.

«Ты сожжешь его. Собственным пламенем».

Стоило сдать ее страже прямо там. Отправить в темницу, чтобы не смела пудрить мозги доверчивым девушкам. Гнев внутри Калисы поднимался бушующим пожаром, таким непривычным в Северных землях. Она закрыла глаза, сжала зубы до скрипа и попыталась успокоиться, но чувства не уходили. Становилось все жарче. Жарче. Жарче. Она закричала во весь голос, до хрипа.

Только тогда жар стал отступать, но Калисе казалось, что теперь он был снаружи, словно языки пламени лизали лицо. Она боялась открыть глаза и столкнуться с ужасным.

«Может, старуха права?» — промелькнуло в ее голове.

Только когда воздух снова стал привычно прохладным, она осмелилась приоткрыть один глаз. И не смогла сдержать испуганого возгласа. Ладонь пульсировала болью.

Некогда восхитительная фигурка дракона в руках теперь полностью почернела, а на пальцах выступили уродливые волдыри, как от ожога. Калиса швырнула ее в кресло, и фигурка, ударившись о твердый подлокотник, раскололась надвое — так же, как сейчас раскололась душа юной наследницы.

— Не может быть... — прошептала она изумленно, прикрывая рот руками. Сердце колотилось в груди, будто хотело сбежать подальше от этого жуткого существа, которым ощущала себя Калиса. Девушка замотала головой, отчаянно стараясь найти оправдание произошедшему. — Нет-нет-нет... Это просто случайность.

Калиса заходила взад-вперед по мастерской, оглядывая каждую нить, каждую пядь пространства. Зацепившись взглядом за горящую на столике свечу, которую только недавно зажгла, Калиса кивнула самой себе.

«Точно, — подумала она, все больше успокаиваясь. — Я так задумалась, что не заметила, как опалила фигурку, и пальцы заодно. Вот, от чего волдыри».

Это объяснение ее удовлетворило, но оставаться в мастерской уже не хотелось. Калиса вздохнула, затушила огонек и, закрыв потайное место, отправилась на следующий урок с наставником.

На этот раз занятие проходило в большом зале, предназначенном для приемов и танцевальных вечеров, которые раньше часто проводились в их замке. Калиса, пусть и почти не помнила мать, знала — та очень любила эти вечера и всегда брала с собой детей.

Сморгнув слезу от воспоминаний, тяготящих сердце, Калиса вернула внимание к наставнице, госпоже Никей, которая стояла напротив с самым приторно любезным выражением лица, которое только можно было придумать.

— Min unge, еще раз, — голос наставницы по этикету был сладким, как сироп, и таким же липким. — Приветствие посла Южных Земель. Нет, не так. Вы напоминаете мне радюра на льду. Рука должна быть не тяжелой гирей, а лепестком, падающим на руку господина.

Калиса сглотнула комок ярости и представила, как этот «лепесток» бьет наставницу по мерзкой физиономии. Она ведь старалась! Правда старалась быть идеальной, послушной, старалась соответствовать своему статусу. Только вот каждый раз все было не так. Она двигалась

не так, говорила не так, называла неправильные даты, отвечала невпопад. Словно для всего этого она была... слишком. Слишком своевольной, слишком другой.

Калиса снова попыталась одновременно присесть, скрестив ноги, склонить голову и мягко опустить руку на предплечье наставницы. И в этот раз почти получилось... Если бы невысокий, но скользкий каблук ее открытых туфель любимого красного цвета не поехал в сторону. Калисе пришлось вцепиться в руку госпожи Никей, чтобы не упасть. Это было бы еще позорнее, чем просто неверно выполнить ее указания.

Обожженные пальцы отозвались пульсирующей болью, и Калиса, зашипев, отпустила руку наставницы и рухнула на холодный пол. Сердце рухнуло вместе с ней, словно выдавив весь воздух из легких.

— Боюсь, некоторые молодые леди не поддаются даже самому строгому обучению, — вздохнула госпожа Никей, тряхнув короткими светлыми волосами, и драматично развернулась. — На сегодня все. Вашему отцу, разумеется, будет доложено.

Калиса почти зарычала, глядя на ее удаляющуюся обнаженную спину. Из всех наставников госпожа Никей раздражала Калису больше всего, но теперь принцесса ее просто ненавидела. И одновременно разочаровалась в себе. Снова.

Ужин проходил в привычной прохладной обстановке — и не от того, что в зале было холодно, а от взгляда Правителя, которым он одарил дочь, когда она вошла в столовую. Сидели молча, в напряженной тишине слышались только звон бокалов, стук вилок по тарелкам и тихое покашливание слуг где-то за спинами господ. Рюнал, как всегда в последнее время, был погружен в свои мысли — глядел то в тарелку, то в высокое витражное окно, за которым бушевала вьюга, но никак не на сестру.

Калиса вздохнула и повернулась к Форреду, надеясь, что хотя бы он сможет разбавить гнетущую атмосферу.

— Как ты съездил в Южные земли?

Он собирался было ответить, но громкое покашливание Правителя сбило его с мысли. Калиса метнула взгляд на отца, увидела в нем привычное, но все еще до жути обидное осуждение, и опустила голову. Больше никто за столом не произнес ни слова.

Когда Правитель ушел, а Рюнал направился за ним, Калиса тут же вскочила и поймала брата за локоть.

— Что? — словно очнувшись от сна, Рюнал посмотрел на сестру такими знакомыми глазами, такими же, как у нее..

— Поговорим немного? — с надеждой спросила Калиса, умоляюще глядя на брата.

Тот вздохнул и провел ладонью по темным, почти черным волосам.

— Прости, сейчас нет времени.

Калиса кивнула и, закусив губу, разжала пальцы, лежащие на его предплечье. Огонь внутри снова разгорался, но теперь страх и гнев превратились в боль и обиду. Она помнила беззаботные годы, когда они с братом были очень близки: вместе играли, Рюнал придумывал для нее настоящие лабиринты по замку, в конце которых Калиса получала сокровище; он всегда защищал ее от надоедливых детей генералов, которые смеялись над девочкой из-за ее теплолюбивости — даже Форреду однажды досталось. Но едва Рюналу исполнилось девятнадцать, он стал уделять сестре все меньше внимания, пока в конце концов не перестал с ней даже разговаривать чаще, чем раз в пару дней.

Юной Калисе казалось это несправедливым. В свои четырнадцать она еще не могла понять, почему брат стал таким холодным и ответственным, почему он проводит дни за занятиями с наставниками и отцом, а с ней больше не играет. Ей хотелось вернуть брата любыми способами, и часто она саботировала его занятия, врывалась на советы, устраивала истерики. А Рюнал от этого только еще больше отдалялся.

И сейчас, глядя вслед уходящему брату, Калиса ощущала, как пустота внутри, которая давным-давно стала привычной, заполняется пламенем. Горячая слеза стекла по щеке, опаляя шею. Она смахнула ее и, поджав губы, отправилась в покои, оставляя за собой едва заметный черный пепел.

У дверей комнаты уже стоял Форред, хотя Калиса помнила, что из столовой он ушел позже. Подняв брови, она махнула головой в сторону двери, и друг кивнул, молча следуя за ней.

Сидя на вырезанной из камня широкой кровати,накрытой жестким матрасом, больше походящем на подстилку в темницах, чем на постель наследницы Правителя, Калиса рассказывала Форреду обо всех своих переживаниях. Она выдала все как на духу: и про обожженную фигурку, которую случайно опалила свечой, и про обиду на брата, и про неудачные занятия с наставниками. Форред кивал и ласково поглаживал ее по спине, молча выслушивая все накопившиеся трудности принцессы. Он прекрасно понимал, что ей просто необходимо выговориться, а его советы никому и не нужны.

— Все будет хорошо, льдинка, — прошептал он, когда Калиса, плача, уткнулась в его плечо. — Я рядом, ты же знаешь. Значит, мы со всем справимся.

— Угу, — всхлипнув, выдавила Калиса.

Больше всего на свете ей хотелось сейчас быть где-то далеко от замка Хограссов, стать обычной горожанкой или вообще отшельницей, и просто жить. Но судьбу изменить невозможно, и потому Калисе оставалось довольствоваться этими редкими моментами слабости, за которые она была невероятно благодарна Форреду.

Подняв голову, она посмотрела на него горящими от слез красными глазами и порывисто обняла лучшего друга, стараясь вложить в это объятие все свои благодарность и любовь — как к брату, конечно же. Когда Рюнал отстранился от нее, брата ей заменил Форред. Он всегда был рядом, в каждый момент боли и слабости, всегда защищал Калису — даже от нее самой.

— Они просто не понимают тебя, Кали, — прошептал Форред, крепко прижимая к себе девушку. — Ты особенная, не такая, как они. Но когда-нибудь они это поймут.

— Спасибо, Фор, — вздохнула Калиса, и на губах ее, потрескавшихся и сухих, появилась робкая, но счастливая улыбка. — Спасибо, что ты есть.

Она не заметила, как на лице Форреда дрогнула победная улыбка, а взгляд стал властным и холодным.

Глава 4

Рюнал

Каждое утро наследник Правителя просыпается засветло, чтобы подготовиться к новому дню и прогнать остатки сна прежде, чем выйти из покоев. Каждое утро он до рассвета выполняет пробежку, чтобы не мешать слугам, делающим свою работу. Каждое утро наследник должен быть полностью собран: одет в традиционный отглаженный костюм в цветах земель, выбрит, умыт и причесан — к семи часам, чтобы отправиться в столовую. Каждое утро наследник Правителя завтракает одним из первых, чтобы затем, в семь тридцать, начать прием жителей.

Рюнал следовал этим правилам неукоснительно сколько себя помнил. Даже еще не достигнув совершеннолетия, он считал своей обязанностью выучить свод утренних правил и соблюдать их так, будто от этого зависит его жизнь. Неудивительно, что к двадцати пяти, спустя шесть лет после полноценного вхождения в роль старшего, венценосного наследника, каждое утро давалось ему все тяжелее, а мысль о новом дне вызывала лишь глухую, привычную усталость.

— Каров, — позвал Рюнал хриплым голосом, и спустя пару секунд в комнате бесшумно появился его личный слуга.

— Отвар от головной боли, min hojstand? — уточнил Каров, кланяясь.

Рюнал смог лишь кивнуть, с трудом повернувшись к окну. За ним, как и всегда, стояла темнота. Абсолютно беспросветная, жуткая и раздражающая. До первых проблесков рассвета было еще далеко, несмотря на то что уже через пять минут должно наступить время Солнца.

— Держите. Вам подготовить костюм? — слуга протянул наследнику керамическую кружку с горячим отваром из ильдфара и люса*. Рюнал со стоном сел на кровати, от чего в голове раздался неприятный звон, и покачал головой. Аксал не одобрял использования слуг в подготовке одежды на день: всегда говорил, что внешний вид — это забота Правителя, а не помощников, и если даже подготовить себе костюм юноша не в состоянии, то как он будет править огромной страной?

Рюнал отчасти был согласен с ним, но не в последние несколько лет, когда голову словно сжимал стальной обруч почти каждое утро, а тело отказывалось функционировать после пяти — если повезет — часов сна.

Отвар горчил, но приносил облегчение. Не волшебное, не с первым же глотком, но, прикончив кружку, Рюнал уже чувствовал себя немного лучше. Он глянул на настольные часы и выругался на хоградском, а затем вскочил и, сунув ноги в меховые войлоки, принялся натягивать легкую рубаху. Зеркало отразило совершенно растрепанного молодого человека с ярко выделяющимися на бледном лице синяками и спутанными черными волосами. Рюнал лишь махнул рукой — все равно в такое время никого на улице не встретишь.

Пробежка закончилась быстрее, чем обычно, но не от холода, которого наследник почти не чувствовал, несмотря на легкое одеяние — свободные штаны для бега и рубаху, — а от того, что из замка раздался звон, служивший жителям будильником.

— Åh fir pokkras**! — прошипел Рюнал и бегом направился к черному ходу, который использовали в основном слуги. Пока наследник несся через крыло для слуг, отовсюду раздавались охи-ахи и вскрики, когда он толкал кого-то из них, но никто не смел возражать ему и ругать его. Не в первый раз Рюнал опаздывал по своему личному расписанию, и не в первый раз ему приходилось сеять эту предрассветную панику среди слуг.

Дальше — время на подготовку к новому дню. Новому, но совершенно похожему на предыдущий, как близнец-великан. Тот же темно-серый, как вечно хмурое Северное небо, костюм идеально сел по плечам и талии, ведь был сшит специально для Рюнала. Черные волосы под умелыми руками легли набок ровной линией, синяки привычно скрылись под тонким слоем пудры. И теперь в высокое зеркало смотрел величественный наследник Правителя Северных земель, а не зашуганный, уставший мальчик.

Уверенным властным движением Рюнал подхватил с бархатной подушки корону наследника и водрузил ее себе на голову. Скромные позолоченные спирали из стали окружили голову и снова сжали ее. Груз ответственности привычно лег на плечи полупрозрачной мантией.

Прошения всегда проходили в Главном зале. В длинной уродливой комнате, похожей на болотного червя*** — в голову всегда приходило это сравнение маленькой Калисы. В центре, у дальней стены с высокими витражными окнами, стоял трон Правителя, рядом — не самое удобное жесткое кресло для Советника. С совершеннолетия роль последнего выполнял Рюнал, и сейчас, войдя в пустой зал, он занял свое место и только тогда смог перевести дух. Отца он уже встретил на завтраке, хотя был обязан закончить его раньше, и теперь боялся не успеть прийти в Главный зал до Аксала. Он знал, каким ледяным в случае опоздания будет взгляд отца, и какими длинными — нотации о долге.

— Доброе утро, — прогремел голос Правителя, пронесясь эхом по залу вместе с северным ветром.

Рюнал поспешил встать и сложить крыло, как того требовали обычаи и отец. Только когда Правитель садился на трон, наследник мог опуститься рядом.

— Сегодня принимаем послов Западных земель. Будут просить продлить мирный договор и протекцию перед Южными, — произнес отец, даже не глядя на сына, и замолчал, ожидая от Рюнала ответа.

Пару секунд наследник молчал, обдумывая, что лучше сказать.

— Нужно будет продавить наши условия, — наконец ответил Рюнал, и Правитель кивнул, взгляд его немного потеплел.

— Верно. Мы должны получить выгоду от сделки, а не тратить наши ресурсы понапрасну. И какие условия мы будем выдвигать?

Снова вопрос, и снова Рюнал не удостоен даже взгляда. Но такие мелочи он уже привык не замечать.

— Мне нужно подумать, min heresk, — ответил наследник, понимая, что к такой щепетильной теме нужно подойти с осторожностью и продуманностью. Он взглянул на отца и ровно, почти холодно произнес: — Смогу дать вам ответ после приема.

Правитель кивнул, принимая ответ сына. И очередной тест был успешно пройден. Очередная маленькая смерть ради того, чтобы однажды занять место отца.

Вереница просящих казалась бесконечной. Рюнал поначалу, в первые годы, вслушивался в каждую просьбу, старался предложить свои идеи отцу, радел за каждого горожанина, воина и хольда****. Но со временем он понял, что Правителя на самом деле не интересуют идеи сына — ему важно лишь его присутствие. Рюналу казалось, что его и не воспринимают всерьез, потому что всякий раз отец лишь ждал его согласия, но никак не совета.

Ему никогда не стать равным. Но Рюнал не переставал к этому стремиться, веря, что однажды он сможет поговорить с отцом как Наследник с Правителем, а не как нерадивый сын с великим отцом.

Но вот, к обеду длинная очередь, входящая справа и выходящая из дверей слева стала заканчиваться, и последний просящий подошел к трону, поцеловав перстень Правителя.

— Min heresk, я прошу вас о содействии. Вчера на Ярмарке орудовала шарлатанка, всех наших гостей распугала и сбежала! — возмущался мужчина в неброской, но качественной одежде, и Рюнал сразу узнал в нем хольда.

«Наверняка попросит поддержать его деньгами», — мысленно хмыкнул юноша, откинувшись на твердую спинку и без интереса слушая разговор Правителя с подданным.

— Как именно распугала? — уточнил Аксал тоном, сразу дающим понять — с Правителем лучше не шутить и говорить начистоту. Рюнал прекрасно знал, как из лжецов выбивают правду.

— Так гадала! — всплеснул руками мужчина, стащив с лысеющей головы шапку. — Каждому гостю говорила всякую чепуху, всякие ужасы! Они и убегали. Одна девчонка так вообще как ошпаренная из шатра выскочила и с господином Колдом убежала!

Рюнал подался вперед, услышав знакомую фамилию. Аксал будто даже не заметил этого, только махнул рукой.

— Приводите вашу гадалку сюда. Тогда и поговорим.

— Но как же, min heresk?! — возмутился хольд, на эмоциях подходя ближе к трону. — Говорю же — сбежала! Да я... да я даже в глаза ее не чаял!

Вагаты*****, стоящие с обеих сторон от Правителя, нахмурились и шагнули вперед, готовые уже схватить наглого мужчину, но Аксал жестом велел им остановиться, и зал наполнился новыми оправданиями хольда. Рюнал уже не слушал. Он нахмурился, обдумывая, какая же девушка могла оказаться вместе с Форредом на ярмарке. И мысль, к которой он пришел, его совершенно не обрадовала.

«Нет, — подумал наследник, не желая верить в безрассудность сестры. — Она бы так не поступила. Она ведь знает правила, знает, как отец печется о ней».

После долгого изнурительного дня единственным желанием Рюнала было пойти в покои и лечь на жесткую кровать, но снова появились неотложные дела. Мысль о том, что Калиса была на ярмарке вместе с Форредом, не оставляла его ни на миг, и принцу было просто необходимо узнать правду.

— Min heresk, видели ли вы посла Колда? — уже на выходе из кабинета отца Рюнал обернулся. Склонившись над кипой бумаг, лежащей ровной стопкой перед ним, Правитель даже не поднял взгляда на сына. И ответом ему также послужило молчание.

Рюнал кивнул, больше самому себе, чем Правителю, и вышел в коридор, осторожно прикрыв за собой тяжелую дверь.

Опросив вагатов по всему замку, принц понял, что Форреда сегодня не видел никто. Так что оставалось одно — напрямую спросить у Калисы. Почему-то от одной мысли о разговоре с сестрой в уставшем теле просыпалась паника. Руки холодели, сердце подпрыгивало словно на радюрих скачках.

Рюнал знал о потайной мастерской — однажды в детстве, когда Калисе только-только исполнилось двенадцать, он занимался в библиотеке и заметил сестру, уходящую вглубь. Так ему стало известно о самой страшной тайне юной наследницы, но рассказывать он никому не стал. В то время они все еще были близки, и Рюнал чувствовал обиду, что сестра не поделилась с ним тайным местом, но слишком любил Калису, чтобы выдавать отцу ее секрет.

В мастерской ее не оказалось. Принц обошел всю комнатушку, но нашел лишь фигурки и инструменты. Уже уходя, он осмотрелся в последний раз, и взгляд его вдруг зацепился за что-то черное на кресле. Рюнал подошел поближе и с удивлением взял в руки две половинки почерневшей фигурки дракона. Все новые и новые вопросы рождались в его голове, но ответов он не находил. Спрятав половинки в карман, Рюнал погасил свет и закрыл дверь скрытым за торшером механизмом. Теперь он точно был обязан поговорить с сестрой как можно скорее.

Калиса нашлась в Танцевальном Зале, который так любила их мать. Рюнал даже замер на мгновение на пороге: в голове проносились воспоминания о счастливых вечерах. Веселые танцы с изящной высокой женщиной, очень похожей на Калису — те же шоколадные волосы, светло-голубые глаза, которые достались и ему, тонкий стан, — нравились Рюналу чуть ли не больше, чем риддские****** турниры.

Прикрыв глаза, Рюнал тряхнул головой, прогоняя щемящие душу мысли, и посмотрел на сестру.

Принцесса сидела прямо на полу, выводя какие-то узоры на паркете, словно рисуя неведомую картину. Услышав шаги брата, она повернулась к нему и улыбнулась.

— Наконец-то братец соизволил поговорить со мной? — ехидно уточнила Калиса, поднимаясь с пола и отряхивая платье. — Или случайно наткнулся на этот зал? Я склоняюсь ко второму варианту.

Рюнал закатил глаза, но сдержать улыбку не смог.

— Прости, дракончик, — произнес он, подходя ближе. — Сама понимаешь: я сейчас очень занят государственными делами. Но я правда хотел поговорить с тобой.

Калиса склонила голову набок, скрестив руки на груди. Она старалась смотреть брату в глаза, но для этого пришлось задрать подбородок, и это выглядело так забавно со стороны, что Рюнал не сдержал смешок.

— Чего смеешься? — насупилась принцесса.

— Ничего. — Рюнал покачал головой и постарался сделать тон как можно более мягким: — Хотел спросить тебя... Где ты была вчера?

Калиса уставилась на него, не отводя взгляда. Пару секунд она будто подбирала наиболее подходящий ответ, затем спокойно произнесла:

— Каталась на радюрах с Форредом.

И пожала плечами, будто это было пустяком. Рюнал нахмурился. Что-то внутри подсказывало не верить такому легкому ответу.

— А мне вот доложили, что вчера Колда видели на ярмарке.

Рюнал внимательно следил за реакцией Калисы, но ни одна лишняя эмоция не промелькнула на ее лице. Девушка снова пожала плечами — так спокойно и уверенно, что принц почти ей поверил.

— Может, он ходил утром или в обед. Я за ним не слежу.

Рюнал вздохнул и кивнул. Хотя до конца он не верил сестре, этот ответ его немного успокоил. Не теряя надежды действительно поговорить с Калисой, он решил разрядить обстановку, найти нужные слова, чтобы она открылась окончательно, как раньше.

— Знаешь, приходил к нам сегодня хольд, рассказывал, что гадалка на ярмарке всех горожан распугала. Не потому ли ты такая скрытная стала?

Рюнал улыбнулся, надеясь развеселить сестру, но улыбка его тут же померкла — глаза Калисы на мгновение расширились от страха, пусть она сразу же скрыла это, опустив голову.

— Если это весь допрос, дорогой братец, то я пойду.

Тон Калисы врезался айсбергом в сердце принца. Он удивленно смотрел на нее: она глядела в сторону, нахмурившись, и всем своим видом выражала нежелание больше разговаривать с братом.

Рюнал кивнул, сжимая две половинки сожженного дракона в кармане.

— Береги себя, дракончик.

Калиса скрылась в коридоре. Высокие створчатые двери тяжело ударились о раму, подражая камню в груди Рюнала, который упал куда-то вглубь.

***

— Отец, могу я поговорить с вами как сын? — тихо произнес Рюнал, склонившись к отцу за завтраком на следующий день.

Аксал не повернул головы, краем глаза глянув на сына, и слегка кивнул. С сердца Рюнала словно лавина сошла — хоть раз Правитель удостоил его чести простого отеческого разговора. Конечно же, принц не стал начинать разговор за столом, он терпеливо дождался окончания приема жителей и, наконец, уже в кабинете отца смог поделиться своими опасениями насчет Калисы.

— Отец, мне кажется, Калиса в последнее время ведет себя странно: избегает меня, проводит все больше времени за изготовлением фигурок в... — Рюнал чуть не сказал «в мастерской» и тут же прикусил язык. — ...в своих покоях. Да и наставники ее говорят о неуспехах.

Аксал тяжело вздохнул, потирая переносицу. Конечно, он все прекрасно видел: и отрешенность дочери, и ее нежелание учиться, и несогласие с ее судьбой.

— Она вся в мать... — пробормотал Аксал, прикрыв глаза. — Такая же своевольная, характерная, искренняя. И несмотря на это, Руна была великолепной Правительницей.

Рюнал замер. Отец редко вспоминал мать и уж тем более называл ее по имени. И хотя наследник каждое мгновение носил часть ее имени в своем, услышать его было до странного больно. Внутри обрушилась лавина, которую он так долго сдерживал. Рюнал опустил голову и сжал кулаки.

— Руна... — тихо продолжил Аксал и замолчал на секунду, словно осторожно подбирал слова, боясь наткнуться на ледники воспоминаний. — Она была моим рулевым. Не давала сбиться с курса. Ни один совет не обходился без ее предложений. Она всегда говорила правильные вещи и была добра к каждому, будь то простой хольд или высокомерный ярл*******. Но благодаря ее доброте и искренности даже самый отвратительный человек становился учтивым. Конечно, не обходилось и без взрывов — ваша мать не любила, когда что-то шло не по-ее.

Голос его оборвался порванной струной скрипки. Посмотрев в темноту за окном, мужчина чуть улыбнулся и продолжил:

— В такие моменты Руна становилась настоящим вулканом. Нет, не то слово... драконицей. Да. Сжигала дотла все на своем пути.

Улыбка Правителя померкла. Рюнал, затаив дыхание, ловил каждое слово, и в его груди отзывалась тупой ноющей болью пустота — там, где когда-то была любящая мать.

— Но я любил ее больше Солнца, больше Луны. И она любила меня и вас. Эта любовь защищала нашу семью.

Рюнал опустил голову, сжав зубы. Нельзя было показывать отцу эмоции, для наследника это недопустимо.

— Отец, я думаю... — он запнулся, не зная, как описать тревогу за сестру. — Мне кажется, с Калисой что-то не так. Я вижу это... Но я... не могу объяснить, что именно.

Аксал поднял голову и прямо посмотрел на сына, будто впервые за эту встречу по-настоящему увидел его.

— Будь покоен, сын мой, — по-отечески тепло произнес Аксал, и Рюнал вздрогнул от неожиданной ласки в его голосе. — Калиса бунтует против своей судьбы. Как когда-то... бунтовала и твоя мать против своей. Но она примирится с ней, не рано, так вовремя. Это ее путь.

Рюнал машинально кивнул, все еще сраженный переменами в его облике и настроении. И уже шагнул вперед, чтобы поговорить о собственных переживаниях, как Аксал махнул рукой и снова сделался айсбергом.

— Если это все, мне нужно работать.

Даже теплые нотки из голоса исчезли. Сердце Рюнала, только-только начавшее оттаивать, снова покрылось ледяной коркой. Он степенно кивнул, сложил крыло и, тихо прикрыв за собой дверь, прислонился спиной к холодному камню стены в коридоре, давясь комом в горле.

Примечания:

*люс — приземистое растение с розеткой овальных листьев цвета темного, почти черного изумруда, покрытых восковым налетом. Из центра розетки поднимаются несколько стеблей, каждый из которых венчает бутон, похожий на нераспустившийся тюльпан. Бутоны никогда не раскрываются, из них исходит приглушенный лунно-голубой свет. Используется в медицине в качестве жаропонижающего, а также в качестве освещения.

**Åh fir pokkras (хограсский) — Вот черт!

***болотный червь — существо, похожее на мокрицу, но длиннее и крупнее в 5-7 раз.

****хольд — самый низкий титул в Северных землях, обозначающий землевладельца.

*****вагаты — гвардеец, воин элитного отряда Правителя. Служат только в замке. Всего в отряде Правителя (эреслоке) 50 вагатов.

******рид — воин-всадник, одна боевая единица, у каждого есть свой радюр или коннуг (животное, похожее на лошадь, с шестью ногами и ультразвуковым слухом, как у летучих мышей), за которого они в ответе.

*******ярл — высший титул среди знати, герцог.

Глава 5

Калиса

Новый день приносил новую головную боль. Теперь Калиса в полной мере поняла нелюбовь горожан к ранним пробуждениям — каждое утро принцесса вскакивала до рассвета от кошмаров, порой настолько чудовищных, что после долго сидела в кровати и не могла прийти в себя.

Поначалу она не запоминала эти страшные сны и могла лечь спать снова, выпив отвар из листьев исбарьны. Но чем больше проходило времени, тем хуже становилось состояние Калисы.

— Нет! — истошно закричала принцесса, снова просыпаясь до первых лучей Солнца. Перед глазами все еще стояли ужасные картины: внизу горели города и деревни, а она, словно

наблюдатель, парила над ними. Но так казалось только сначала, пока из собственного рта Калиса не извергала столпы обжигающего пламени и не сжигала тысячи жителей.

— Min unge, принести вам успокоительный отвар? — в комнату из пристроенной комнатушки для слуг вбежала обеспокоенная Жорла.

— Нет, Матушка, не стоит, — дрожащим голосом ответила Калиса, стирая пот со лба, и он казался ей обжигающим, как только что истлевший пепел. — Все равно он не помогает.

Служанка подошла к кровати воспитанницы и присела на край, по-матерински поглаживая Калису по спутанным после сна волосам.

— Милая, сходила бы ты к лекарю, — голос ее был мягок, как облачко, но настойчив. Калиса вздохнула и посмотрела на обеспокоенную Жорлу. Ее неожиданная мягкость умиляла, но и пугала в то же время.

«Если Матушка так беспокоится, может, есть смысл обратиться за помощью? — промелькнуло в голове Калисы, но она тут же отвергла эту идею. — Нет. Ерунда. Я и так будто не здешняя. Из-за этого снова слухи разойдутся».

— Все нормально, — Калиса постаралась улыбнуться, хоть и получилось очень ненатурально. — Просто кошмар. Мне нужно меньше переживать обо всем.

Жорла прищурилась, рука ее застыла на голове воспитанницы. Матушка несколько секунд смотрела ей в глаза, а затем вздохнула и кивнула — что же сделаешь с упрямой принцессой?

На занятиях Калиса все чаще ошибалась. Что-то страшное внутри так и грозило взорваться, и ей приходилось сдерживаться, пускать все силы на укрощение пламени. Что будет, если оно вырвется наружу и может ли оно вырваться вообще, Калисе думать не хотелось. От одной только мысли об этом тело сковывал животный страх, словно перед неизведанным божественным существом.

К тому же, юную наследницу преследовал жар — теперь, несмотря на привычную прохладу коридоров и залов, Калиса будто горела. На исходе десятого Солнца в таком состоянии, она наконец решила, что так не может продолжаться. К лекарю пошла только в сопровождении Матушки Жорлы, прямо как в детстве, когда боялась делать уколы. Тогда, помнится, весь замок стоял на ушах от ее истошных криков и слез, льющихся ручьями по коридорам. Никто не мог затащить маленькую принцессу в кабинет, даже Аксал.

— Ну же, min kernel, пойдем, это не страшно! — убеждал девочку отец, теряя терпение. Она же цеплялась за все косяки и ручки так крепко, что не оттащить.

— Нет! Нет! Не хочу уколы! — верещала Калиса, смешно сморщив личико.

— Ну что ты как маленькая! — возмущался уже взрослый, по его мнению, десятилетний Рюнал, небрежно хватая сестру за руку. От этого она только сильнее кричала и начинала плакать.

И ситуация так бы и осталась неразрешимой, если бы в коридоре не раздался зычный голос няни.

— Хватит.

Она не кричала, не приказывала, даже голос не повышала. Но в мгновение застыли все: верещащая Калиса замолчала, уставившись на Жорлу, Рюнал отпустил руку сестры, завороженно глядя на няню, а Аксал слегка улыбнулся. Когда-то он лично выбирал эту женщину в няни дочери и с тех пор ни разу об этом не пожалел.

— Милая, ты же хочешь стать сильной девочкой? Как твоя мама? — обратилась женщина к Калисе, присев перед ней на колени, отчего подол розового платья разметался по полу.

Лохматая голова часто закивала, а льдисто-голубые глаза неотрывно смотрели на Матушку Жорлу.

— Руна никогда не боялась. Она говорила, что храбрость — это не отсутствие страха, а когда боишься, но все равно делаешь то, что нужно. Ты — ее дочь. Покажи всем, из какого льда высечена. Хорошо?

На глаза малышки Калисы набежали слезы, но она кивнула, смешно надув щечки, чтобы снова не заплакать. Няня улыбнулась и ласково сжала маленькую ручку.

— Пойдем, min unge. А я буду рядом с тобой, всегда буду рядом с тобой.

Теперь Матушка Жорла снова была рядом, только уже держала за руку не малышку, а взрослую принцессу, которая боялась не уколов, а того, что таилось внутри нее.

— Все будет хорошо, милая, — шептала женщина, поглаживая Калису по голове. Принцесса лишь испуганно смотрела по сторонам, сидя на кушетке в ожидании лекаря. Когда тот появился в дверях, она машинально сжала руку няни, переведя взгляд на Жорлу. — Будь сильной, min unge, что бы ни произошло. Я подожду тебя снаружи. Сейчас тебе нужно справиться самой.

Жорла ласково улыбнулась, погладила девушку по щеке и, поднявшись, торопливо вышла из кабинета, оставляя Калису наедине с лекарем. Дверь закрылась с тихим щелчком, и этот звук отрезал Калису от последней ниточки безопасности.

— Ну, min unge, что вас беспокоит? — присев напротив, уточнил пожилой мужчина в белом халате. Он пристально всматривался в лицо принцессы, подмечая, как краснеет всегда бледная кожа, как слезятся глаза и как под тонкой кожей выпирают вены, слегка отдавая красным.

— Жарко... — пробормотала Калиса, смутившись. Во взрослом возрасте она не так часто посещала лекаря, да и болезни в Северных землях были редки. Девушка опустила голову. Сказать правду? О пламени внутри, о сожженном драконе? Он сочтет ее сумасшедшей. Или хуже того... Она сглотнула и подобрала самые безопасные слова: — Что-то будто жжет внутри. Иногда мне тяжело дышать. И кошмары мучают уже почти пятнадцать солнц.

— Сейчас проверим, не переживайте. За сорок лет практики я, кажется, видывал всякого, — добродушно ответил лекарь, вытащив из небольшой коробочки тонкий прозрачный стержень, наполненный красной жидкостью, и протянул его Калисе. — Вставьте, пожалуйста, в рот, и держите, пока не скажу.

Калиса послушно приняла градусник и зажала его губами. Что-то внутри ей подсказывало, что с этой болезнью господин Милай точно не справится. И эта мысль была страшнее любого кошмара.

— Драконья матерь! — воскликнул лекарь, забирая градусник и смотря на него неверящим взглядом. — Вы... вы себя хорошо чувствуете?..

Калиса удивленно подняла брови, смотря на него с непониманием. Конечно, она себя нехорошо чувствует, иначе не пришла бы!

Господин Милай смотрел на нее, выпучив глаза, и Калисе казалось, что они вот-вот вылетят прямо ей в руки. Она молча забрала у него градусник и сама взглянула на деления. Пятьдесят два. Сердце остановилось, а затем снова забилось с такой силой, что казалось, оно вот-вот пробьет грудную клетку. Значит, это правда. Значит, она и правда чудовище?

«Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет!! — забилось в голове Калисы. Она просто не могла быть им. Не могла. Она не чудовище. Все это — просто очередной кошмар, галлюцинация, ошибка. — Этого не может быть. Не со мной!»

— А это... много?.. — сглотнув, дрожащим голосом уточнила Калиса, хотя и так знала ответ.

— Милая, у здорового человека температура не превышает сорока пяти, при сорока восьми уже начинается бред, а при пятидесяти... Я еще не видел ни одного живого человека с таким жаром. Пятьдесят два градуса — это температура раскаленных камней в кузнечном

горне. Кровь должна кипеть, а разум — испаряться... Но вы... вы сидите прямо передо мной и даже говорите! Это... это просто невозможно с точки зрения медицины!

Лекарь смотрел на Калису растерянно, почти испуганно, а принцесса холодела внутри, несмотря на жар. Страх сковывал внутренности, и единственное, чего ей хотелось сейчас — бежать.

— Спасибо... — пробормотала девушка и медленно поднялась со стула.

Лекарь вскочил следом за ней.

— Куда же вы, min unge? Вас нужно срочно обследовать!

— Спасибо, не надо...

— Min unge, я обязан доложить об этом вашему отцу!

Калиса вздрогнула, застыв на месте.

— Нет! — вырвалось из груди.

— Калиса, это вопрос вашей безопасности, я обязан...

Калиса попятилась к двери, не сводя испуганного взгляда с лекаря. Нащупала за спиной ручку, отворила дверь и изо всех сил побежала по коридору.

— Погодите, Калиса, вам же станет хуже!.. — прокричал ей вслед лекарь, но голос его исчез вдали.

Ноги гудели, в ушах стоял звон раскаленного металла, а стены плыли перед глазами, но Калиса не останавливалась, пока не оказалась в мастерской. И даже там она закрыла потайную дверь изнутри, подперев основание инструментами, чтобы никто не смог войти. И только тогда смогла выдохнуть горячий воздух из легких.

Нужно было срочно сообразить, как охладиться.

«Думай, думай, думай!» — билось в голове кузнечным молотом по наковальне, таким знакомым и таким чужим одновременно.

Калиса схватила глиняный кувшин, который всегда стоял на низком столике у рабочего стола, и, задержав дыхание, вылила воду из него себе на голову. Сердце на секунду замерло, будто раздумывая, стоит ли замедлить ритм. А затем снова забилось часто-часто, разгоняя кровь по жилам. Жар, на мгновение отступивший, снова прильнул к коже изнутри.

Не получилось. И что же делать теперь?

Калиса заходила кругами по мастерской, выхватывая объятым паникой умом детали вокруг: фигурки, инструменты, поленья и доски. Вдруг вспомнилось, как тогда, несколько солнц назад, фигурка почернела. Тогда Калиса еще думала, что все это чистая случайность, что свеча могла так обжечь дерево за пару секунд. Но теперь... все вставало на свои места.

Калиса кинулась к креслу, обшарила его дрожащими руками — ей нужно было доказательство, опора, хоть что-то осязаемое в этом кошмаре. Но фигурки нигде не было. Пустота. Где же она?

«Нет, нет, нет, сейчас не до этого». Принцесса замотала головой, переключаясь на более реальную проблему. Нужно повторить тот же трюк с огнем. Выброс пламени должен помочь, просто обязан.

Она схватила кусочек дерева, оставшийся от прошлой недоделанной фигурки дракона, и сжала его в руке. Занозы впились в ладонь, но Калиса сконцентрировалась только на огне внутри. Она закрыла глаза, постаралась разогнать пламя, но ничего не выходило.

«Неужели я заживо сгорю от своего же огня?» — мелькнуло в голове, и вот тогда-то вспомнились слова гадалки.

«Ты сожжешь его. Собственным пламенем».

Страх вспыхнул внутри с новой силой, а вместе с ним и огонь, текущий по венам. Калиса зажмурилась до алых пятен на веках, стиснула фигурку сильней. Пламя вспыхнуло. Принцесса закричала. Истошно, почти бессознательно. И крик этот больше походил на рев раненного дракона.

Пламя вырвалось неожиданно и разрушающе — бело-желтым языком, опалившим воздух. На миг все вокруг пропало, остались только всепоглощающий, очищающий огонь и ее крик, в котором растворялись и страх, и боль, и мысли.

А потом жар схлынул, осталась лишь пульсирующая боль в ладони. Его будто и не было все это время. Запахло гарью, но принцесса боялась открыть глаза и увидеть то, что натворила. Тело било мелкой дрожью, силы словно вытекли вместе с пламенем. На ладони пылала одна сплошная рана.

Несколько мгновений тишины и пустоты, и Калиса приоткрыла один глаз. Взгляд зацепился за черноту вокруг нее на полу и стенах. Стоило разжать руку, и некогда цельный кусок дерева Арлы осыпался пеплом.

Калиса зашипела, теперь в полной мере ощущая пульсирующую боль ожога. Зато жар больше не лизал кожу ни изнутри, ни снаружи. Несмотря на разруху, Калиса чувствовала себя хозяйкой своего огня. Не чудовищем. Слабой и неуверенной, но хозяйкой.

Но момент оборвался, как крик лаграса* в ночной тишине. Принцесса огляделась. Вокруг лежал пепел, но огонь, слава Стору**, не добрался до стола с инструментами и полок с готовыми фигурками. В висках снова запульсировало, теперь уже от страха, что кто-нибудь узнает ее тайну, пугающую даже саму Калису. Она кинулась сгребать пепел ладонями и тряпкой, не замечая, что черные разводы остаются на полу, и заталкивать его под кресло. Туда, где никто не станет искать.

Закончив с уборкой, Калиса побежала в покои, чтобы в купальне подставить ладонь с ожогом под ледяную воду — предстоящее облегчение затопило все мысли. Но стоило ей выключить живительную струю, как боль запульсировала с новой силой. Нужно было раздобыть мазь от ожогов, но так, чтобы не обращаться к лекарю.

Идея пришла моментально. Форред. Он точно не оставит ее в беде.

Через полчаса в дверь постучали. Калиса, расхаживающая взад-вперед по комнате, вздрогнула и кинулась открывать.

— Что за спешка, льдинка? — встревоженно спросил Форред шепотом, едва дверь за его спиной закрылась с тихим щелчком.

Калиса молча показала ему руку с ожогом, и Форред округлил глаза.

— И где это ты так умудрилась? — возмущался юноша, аккуратно покрывая кожу тонким слоем мази.

Калиса лишь вздохнула в ответ. В мыслях боролись две стихии: огонь, вырывающийся из нее, требовал рассказать и поделиться; лед, из которого состояли ее тело и душа по праву рождения, требовал спрятать тайну и никогда ее не раскрывать. Душа рвалась на части, не понимая, чему подчиниться. Калиса зажмурилась, до боли закусив щеку.

«Справлюсь ли я сама с этим пламенем?» — спрашивала она себя, но ответа не находила.

Открыв глаза, принцесса посмотрела на обожженную руку.

«Не справлюсь».

Она глубоко вдохнула воздух, который пах гарью и страхом. Выдохнула.

— Форред, — тихо позвала она, и юноша поднял голову, все еще держа в ладонях ее руку. Голубые глаза смотрели встревоженно, и, глядя в них, Калиса все больше убеждалась в правильности решения.

— Да, льдинка? — шепотом спросил Форред.

— Мне страшно.

Слова вылетели, словно ледяные птицы, обжигая горло холодом. Калиса запнулась, опустила взгляд.

— Мне страшно, что я... — слова царапали горло, но Калиса упрямо продолжила, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки, несмотря на жар ожога. — Что я могу быть чудовищем. Этот ожог... это я. Это... магия. Наверное. Я не уверена. Я ни в чем не уверена, Форред!

Форред вгляделся в ее лицо. Непонятно было, о чем он сейчас думает, и от этого сердце Калисы сжалось до маленькой льдинки, такой же, какой она себя ощущала всю жизнь.

В его глазах не было растерянности или страха — лишь глубокое, почти хищное внимание, словно он наблюдал за редким экспериментом, который наконец дал ожидаемый результат. Его пальцы даже не дрогнули на ее руке.

— Магия... — произнес он не вопросительно, а утвердительно, с легкой усталой усмешкой в голосе, будто услышал то, что давно ожидал. — Я знал.

Калиса замерла, не понимая его тона.

— Ты... ты не удивлен? — прошептала она.

Он медленно покачал головой, вынуждая ее смотреть ему в глаза.

— Льдинка, я видел ту сгоревшую фигурку. И видел твои глаза после ярмарки. Я знал. Просто ждал, когда ты сама ко мне придешь.

Он сжал ее руку чуть сильнее, но теперь его ладонь будто стала тисками. Калиса зашипела от боли.

— Ты не чудовище, — сказал он, и слова звучали как заклинание, холодное и точное. — Ты — самородок. И я помогу тебе стать той, кем ты должна быть. Но для этого нужно делать все, что я скажу. Ты мне доверяешь?

Его голос был мягким, но в нем слышалась угроза: а что будет, если не довериться?

Калиса, оглушенная его признанием, машинально кивнула. Лед на сердце не растаял, лишь покрылся трещинами, за которыми открывалась темная, незнакомая бездна.

— Я отведу тебя к тому, кто поможет тебе овладеть магией, — придвинувшись ближе, почти вплотную к ее лицу, прошептал Форред. Золотисто-карие глаза не отрывались от ее.

Калиса вспыхнула, ощутив его дыхание на своих губах, и тут же отшатнулась, потеряла равновесие и тяжело свалилась на пол.

— Ты в порядке?! — Форред кинулся к ней, но принцесса замахала руками, отползая, даже не чувствуя боли от падения.

В душе все смешалось.

Его близость. Его желание помочь. Его странный взгляд. Сила, что выжигала ее изнутри.

Чувства пробили плотину, вырвавшись потоком слез. Она плакала навзрыд, истошно завывая, как раненый радюр. Форред же изумленно глядел на принцессу, не решаясь прикоснуться к ней снова.

Когда слезы иссякли, Калиса обессиленно свернулась калачиком на полу. Все это время Форред сидел рядом молча и не шевелясь. Теперь же он осторожно протянул руку и погладил ее по голове, больше не переступая грань. Спугнуть принцессу было бы так не кстати.

Калиса закрыла глаза, пытаясь вырваться из этой реальности. И, сама не заметив, уплыла в сон.

— Поспи, льдинка... — прошелестел Форред, прежде чем Нотт*** забрал ее в свои объятия.

Примечания:

*лаграс — существо, больше похожее на летучую ящерицу, чем на мышь, с размахом перепончатых крыльев до метра. Тело покрыто густым бархатисто-черным мехом. Крылья и тело покрыты сложным узором из едва заметных серых полос, делающих его невидимым на фоне ночного неба и скал. Обитает в пещерах, ущельях и руинах.

**Стор — бог неба в дракенхеймской мифологии (Дракенхейм — название континента, на котором находятся Северные, Южные, Западные и Восточные земли. Раньше они были единым государством).

***Нотт — бог сновидений в дракенхеймской мифологии.

Без редактуры Саши:

Глава 6

Рюнал

В дверь кабинета робко постучали. Рюнал поднял голову, отвлекаясь от изучения документа, и громко произнес:

— Входите.

Дверь отворилась спешно, с глухим стуком ударившись о стену коридора, и в кабинет, быстро перебирая ногами, влетела Матушка Жорла. Рюнал поднял брови — няня никогда прежде не приходила к нему. Даже в детстве больше внимания уделяла сестре. Но наследник не обижался — Калисе всегда требовалось больше внимания, чем ему: пока Рюнал мог часами сидеть за пазлами, выискивая нужные фрагменты, Калиса бегала по всему замку или пряталась в саду так, что ее никто не мог отыскать.

— Солнечного утра, матушка, — опустив голову, Рюнал первым поприветствовал няню, хотя по этикету она должна была опуститься в поклоне. Но он ничего не мог с собой поделать — уважение и любовь к этой женщине шли первее традиций.

— Солнечного утра, min hojstand. Я к вам... с небольшой... хм... — Жорла запнулась, кусая большой палец в нерешительности. — Тревожной вестью. О вашей сестре.

Рюнал поднял брови, склонив голову на руку.

— Почему же вы не пошли прямиком к отцу?

Жорла покачала головой, пряча руки за спину, и как-то вся вытянулась струной.

— Не могу я такое говорить Правителю... Не уверена я в своих мыслях... Да и Калиса доверять мне перестанет.

Рюнал кивнул.

— Так что же вы, не тяните — рассказывайте, что стряслось.

А сам потянулся в карман, сжал половинки почерневшей фигурки дракона. В душе зарождалось смутное чувство — неужели его предположения, эти страшные мысли подтвердятся?

— Ваша сестра... — начала Жорла и снова запнулась, опуская голову. — Болезнь ее взяла. Не знаю я такой болезни. Жар у нее адский, нечеловеческий. Я руку к ее лбу приложила — словно к раскаленной плитке. С таким жаром... с таким не живут вовсе. И кошмары мучают уже тридцать солнц как. Мучается девочка. Мучается, а я и не знаю, как ей помочь!

В голове Рюнала вспыхнула картинка обожженного дракона. И фигурка в кармане словно прожигала ткань брюк. Он едва не дернулся от этого призрачного жара, но тут Жорла всплеснула руками и закрыла ладонями лицо, горько разрыдавшись.

Подавив странное чувство, Рюнал замер на мгновение, растерянно глядя на Жорлу, а затем вскочил и бросился обнимать плачущую женщину.

— Ну что же вы, матушка, — пробормотал наследник, поглаживая няню по спине, — не корите себя так. Не терзайте. Мы найдем способ помочь Калисе. Обязательно найдем! Я все выясню. Обещаю вам!

Выпроводив рыдающую няню в коридор и похлопав ее по плечу напоследок, Рюнал сел за стол в полнейшем раздрае. Самые ужасные мысли его подтверждались. Сестра не просто захворала, здесь таилось что-то гораздо более страшное и древнее.

Как и все наследники Правителя, Рюнал с детства знал каждую драконью легенду наизусть. И едва он услышал про жар, охвативший Калису, в голове сразу возникли картинки жутких чудовищ, сжигавших все на своем пути. Страх объял душу крепче каменных тисков. Сердце застучало в груди, словно пытаясь вытеснить страшные мысли. Нет. Это невозможно.

Калиса? Не чудовище. Его любимая младшая сестренка, за которую он погибнуть готов, просто не может быть ужасным монстром!

Наследник треснул по столу кулаком — дерево натужно скрипнуло, словно осуждая. И тут же попытался взять себя в руки, шепотом убеждая себя успокоиться.

«Как можете вы быть таким поспешным, min hojstand? — гремел в голове голос отца. — Как можете сомневаться в родной крови? Прежде надобно выяснить истину, и даже после вы не должны поддаваться зову сердца. Разум должен властвовать».

Прикрыв веки, Рюнал несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, как учила его в детстве мать. Он не ценил те уроки в должной мере, но теперь понимал: именно благодаря матери он смог выдержать гнет отца.

Перед глазами вдруг вспыхнули обрывки воспоминаний — цельные куски давно стерлись, остались лишь самые яркие. Мать была яркой, своевольной, вспыльчивой, но нежной и любящей. А Рюнал совсем не был на нее похож, даже в детстве, когда отец еще не выжег всю его личность. И оттого ему не хватало Руны еще сильнее — и даже часть ее имени в своем он почти не чувствовал. Может, потому что отец всегда давил сильнее, чем она? Может, потому что с детства Рюнал знал, что никогда не станет с матерью так же близок, как была Калиса?

Наследник замотал головой, распахнул глаза и уставился на темную дверь.

«Слишком много лишних мыслей, min hojstand, — и даже в моменты уединения голос отца требовал соответствовать. — Сейчас вы должны сосредоточиться на цели — выяснить истину прежде, чем произойдет что-то непоправимое».

И он повиновался. Как и всегда. Поднялся со стула обессиленно, но твердо. Взял со стола кольцо с печатью Хограссов. И двинулся вперед — к ужасным тайнам, которые могут стать явью. Ведь он наследник и обязан выяснить истину, даже если ему самому хочется жить во лжи.

***

В Центральной Библиотеке всегда пахло древностью и травами — этот запах Рюнал помнил едва ли не с младенчества. Первым из бессчетного множества этапов обучения наследника было знакомство с важнейшими местами Северных земель. И началось оно именно здесь — в сердце Зарова, сердце легенд и знаний северян.

— Чувствуешь запах, Рюнал? — словно наяву, наследник услышал голос матери. — Это волшебная смесь, особенная. Ее делают из мяты, стенлега* и жарны**. Потому запах такой терпкий, свежий.

Маленький Рюнал все крутил головой, не в силах сосредоточиться на чем-то одном, и смешно раздувал ноздри, втягивая затхлый воздух библиотеки.

— Фу-у, мама! — мальчик сморщился, размахивая руками. — И зачем такую вонючую смесь делать?

Руна лишь рассмеялась над его реакцией и погладила сына по голове.

— Может, она не так приятна на запах, зато помогает книгам жить много-много солнц.

Рюнал снова понюхал воздух и чихнул.

— Гадость! Я буду тут чихать!

Звонкий смех Руны снова разлетелся по помещению, отскакивая от стеллажей и улетая все дальше, и дальше, и дальше...

— Чем можем вам служить? — тихий голос ворвался в его воспоминание.

Рюнал мотнул головой и опустил руку, которой будто бы пытался поймать смех матери.

— Мне нужно в архив.

Старушка-библиотекарь, которую едва было видно из-за стойки, кивнула на небольшую прямоугольную панель не больше ладони, встроенную прямо в каменную стену. Рюнал вытащил из кармана фамильное кольцо и прислонил печатку к устройству.

Потянуло серой. Наследник кивнул — значит, обновлять смесь трав не нужно, все работает как должно. От соприкосновения с перстнем панель покраснела, нагреваясь изнутри, и каменная стена вдруг разъехалась в стороны, образуя проход — путь к самому сердцу библиотеки, к архиву.

Шагая по бесконечной, как ему казалось с детства, лестнице, Рюнал вспоминал, как впервые познакомился с травяными замками. Отец тогда был занят важными переговорами, и его обучением занималась мать.

— Смотри, цветочек, — ворковала Руна, подводя сына к стене, — здесь есть дверь, но сейчас ее не видно. Хочешь увидеть, как происходит магия?

Рюнал, завороженно глядя в голубые глаза матери, закивал.

Женщина мягко улыбнулась и, сняв с пальца массивное фамильное кольцо, прислонила его к панели на стене.

— Фу, мама! — тут же сморщился Рюнал. — Опять воняет!

— Потерпи, милый, — усмехнулась Руна. — Смотри внимательно: видишь этот прямоугольник? А видишь, как он становится красным? Поднеси ладошку, попробуй — только осторожно!

Мальчик осторожно протянул руку и тут же испуганно ее отдернул — воздух возле панели был почти горячим!

— Обжегся? — Руна тут же шагнула к сыну, и воздух снова стал привычно прохладным.

Но Рюнал уже завороженно тянул руку к стене, пытаясь нащупать то же тепло.

— Мам! Почему опять холодно?

Руна улыбнулась, погладив сына по голове, и присела возле него на корточки, принимаясь объяснять устройство замка.

— Смотри, здесь, — женщина сняла родовое кольцо и положила его на ладонь, показывая мальчику, — хранится специальная смесь: твой любимый орешек, желудь Арлы, ягоды исбарьны и пыльца ильдфара — помнишь такой цветочек, которым мы в лесу освещали тропинку?

Маленький Рюнал нахмурился, наморщил лоб, усиленно вспоминая, затем закивал быстро-быстро. И снова нахмурился, прикладывая палец ко рту.

— А как они туда засунули орех?

Руна улыбнулась, подавив смешок, и терпеливо разъяснила:

— Его раскололи на много-много маленьких частей и смешали с остальными ингредиентами.

Женщина надела кольцо на безымянный палец и мягко подтянула сына к стене с замком. Панель уже совсем остыла, и Рюнал мог спокойно проводить по ней ладонью, ощупывая замысловатые узоры в виде разных растений. К своим пяти годам он знал много цветов и трав, и теперь с интересом вглядывался в рисунки, чтобы первым разгадать, какие же нарисованы на замке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.